

Я помню каждую свою встречу с ветеранами Великой Отечественной войны, которых писала. Памятны в их рассказы — без прикрас, порой, скучные на детали и чувства. Я благодарна моим дорогим героям за то, что никто из них не отказал мне во встрече, за доверие и готовность поделиться своими воспоминаниями. В эту шестьдесят четвертую победную весну мой рассказ о солдате Второй мировой Николае Ионовиче Чирышеве, воевавшем с первых и до последних дней войны, испытавшем и горечь отступления, и радость наступательных побед.

... «Товарищи, война!», — тревожные слова полковника Шувалова, приехавшего в их войсковую часть, никак не вязались с тишиной ясного летнего утра, неспешным обустройством летнего лагеря под Ригой, к которому приступили солдаты. Армейской службе двадцатилетнего Николая Чирышева к тому времени шел восьмой месяц, он только окончил полковую школу и «примерил» сержантские знаки отличия. Тревогой «звенел» воздух последнее время, но войны не ожидал никто. Тем более жалящего в самое сердце отступления.

Боевая слава шла за 402 артиллерийским полком еще с финской войны. И здесь мудрость опытных командиров была применена не к тактике ведения боя, а к отступлению. Сберечь солдат для решающего броска — такая ставилась задача. Тем более, что ждали своего часа особая гордость полка — орудия, названные в честь Маршала Клиmenta Ворошилова. Их мощь врагу же испытал во время финской: стокилограммовые снаряды легко разбивали основательные железобетонные блоки. Тягачом, перевозившим одно из таких пятнадцатитонных орудий, и управлял механик Чирышев...

Москва ждала своих сынов для великой битвы, решавшей судьбу страны. «Товарищи, ни шагу назад!», — наказ Сталина повторяли про себя вновь и вновь. Конкретный приказ от командира прозвучал и для молодого сержанта: прорвется немец — иди тягачом на таран. Выстояли, отбросили врага от столицы. Больше месяца затем ремонтировали машины на одном из московских заводов. Пришло время отправляться в часть, расположившуюся под Волоколамском, и поехали почему-то через Красную пло-

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

МАЯ

щадь. А там, то ли было срежиссировано специально, то ли вышло случайно — попали в кадры военной хроники. Это свое шествие, с закадровым текстом:

«Второе мая. Движение по Красной площади», увидели после бойцы в кино журнале.

Потом была битва на Курской дуге, освобождение Белоруссии, постепенное продвижение к Берлину. «Огрызаясь» немец до последнего. Не ожидая легкой победы, к штурму готовились основательно. Наступать решили ночью, «ослепить» врага помог свет мощных прожекторов. Расчет Маршала Жукова в Берлинской операции оказался верным — через сутки советские солдаты вошли в столицу третьего Рейха.

С боем приходилось брать каждый дом. Мощному «ворошиловцу» несподручно было выполнять боевую задачу на улочках города. Чуть замешкаешься — и

станешь легкой добычей для врага.

Да и законы военного времени были суровы. Кто из механиков не знал: разорвешь прицепную «сергу» — штрафная рота, а при выполнении боевого задания такая поломка означала расстрел. И все же в резерве боевому расчету стоять не пришлось. Серьезным испытанием в этих боях для советских танков стали выпущенные неприятелем под занавес войны фаустпатроны, «прошибающие» боевые машины.

Вот тогда и решил Жуков выпустить вперед артиллерию. Напомнил Николай Ионович много лет спустя на одной из встреч своему боевому командиру, что подал он в той операции к орудию 21 стокилограммовый снаряд. Квартал сравняли с землей, поставленная задача была выполнена. А вот по Рейхстагу быть из орудия не дали. Разрешили выпустить два снаряда, да и то мимо, так только — дать понять, что терпение у советского солдата и закончиться может. На этом, в общем-то, и завершился боевой путь их «ворошиловца».

Выехали из покоренного города в лес, где и встретили 8 мая весть о долгожданной победе. Семьдесят, помнится ветерану, патронов в обойме автомата. Вот все разом и выпустил их в воздух сержант Чирышев, словно ставя точку в летописи своей войны.

Хотя дорога домой была для сержантского состава закрыта еще год. Правда, в отпуске на родине побывал. Земляки тогда увидели на его груди медаль «За отвагу», ордена Красной Звезды, Отечественной войны. Лишь весной 46-го прибыл Николай Ионович уже насовсем на свою родную Смоленщину, чтобы начать снова жизнь без войны.

О. Анкалёва